

10. Організаційно-методичні вказівки з підготовки Сухопутних військ Збройних Сил України у 2008 - 2011 навчальних роках.
11. Організаційно-методичні вказівки щодо планування, організації та проведення первинної військово-професійної підготовки курсантів (студентів) ВВНЗ та військових навчальних підрозділів вищих навчальних закладів. Директива Міністра оборони України № Д-17 від 16.06.2004
12. Реализация гуманитарной составляющей подготовки офицеров в военных вузах: концептуальные подходы и опыт проведения всех видов учебных занятий. - М.: ВУ, 2006.

Ляшенко К. Н. – аспірант кафедри культурології філософського факультета Одеського національного університету імені І. І Мечникова.

УДК: 141.32+123.2:177.8

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК НЕОБХОДИМОЕ ОСНОВАНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

У даній статті розглядаються проблеми самотності і відчуження у контексті екзистенціальної філософії. Встановлюється зв'язок між соціальною самотністю і самотністю екзистенціальною, соціальною необхідністю і відчуженням. Екзистенціальна самотність розглядається як головна причина відчуження людини від соціуму.

Ключові слова: соціальна самотність, екзистенційна самотність, відчуження (відчуженість), соціальна необхідність.

В данной статье рассматриваются проблемы одиночества и отчуждения в контексте экзистенциальной философии. Устанавливается связь между социальной одиночеством и одиночеством экзистенциальным, социальной необходимостью и отчуждением. Экзистенциальное одиночество рассматривается как основная причина отчуждения человека от социума.

Ключевые слова: социальное одиночество, экзистенциальное одиночество, отчуждение (отчужденность), социальная необходимость.

The article is concerned with the problems of loneliness and alienation in the context of existential philosophy. The connection between social loneliness and existential loneliness, social necessity and alienation is established. The existential loneliness is considered as the fundamental cause of human alienation from society.

Key words: social loneliness, existential loneliness, alienation, social necessity.

«Чувство локтя – убереги меня от него судьба!»

Э. Ионеско «Наедине с одиночеством»

«Так вот он какой, ад! Никогда бы не подумал...»

Помните: сера, решетки, жаровня... Чепуха все это.

На кой черт жаровня: ад – это Другие».

Ж.-П. Сартр «За закрытыми дверями»

В художественном произведении швейцарского писателя Фридриха Дюрренматта «Поручение, или о наблюдении наблюдателя за наблюдателями» мы находим интересные мысли об основаниях социальной жизни человека, проясняющие проблему одиночества, которая, в свою очередь, связана с проблемой отчуждения человека от коллективного (в данном контексте – неподлинного)

существования.

Исходя из размышлений персонажа данной новеллы, логика Д., о значении наблюдения в жизни наблюдаемого наблюдателя (произвольной личности) – одиночеством можно считать такое положение человека, при котором отсутствует за ним наблюдение наблюдателя, другого человека. Т.е. одинокий человек – это ненаблюдаемый человек, ненаблюдаемость которого может быть объяснена как минимум двумя причинами: или нежеланием быть наблюдаемым, или же неумением им быть. Однако необходимо отметить и то, что для человека живущего в современном обществе ненаблюдаемость почти невозможна.

В данной статье рассматриваются проблемы отчуждения и одиночества, и их взаимосвязь в контексте экзистенциальной философии (на примере философии Льва Шестова). В современной философской литературе изучению этих проблем уделяется недостаточно внимания, в отличие от литературы историко-философской, по причине того, что экзистенциализм рассматривается как пройденный этап истории философии (к примеру, см. [3], [13], [14]), а его проблематика – как совокупность сухой исторической информации и мертвых идей. Однако, несмотря на это человек не перестает существовать. Поэтому целью данной статьи является попытка представить экзистенциалистские проблемы отчуждения и одиночества как действительные и актуальные проблемы современного человека, продолжающего переживать одиночество и претерпевать отчуждение вне зависимости от мнений историков философии.

Итак, наблюдение есть довольно продолжительное отношение, при котором наблюдаемый объективируется наблюдателем. Человек, осознающий то, что является наблюдаемым, осознает и то, что выступает для наблюдателя чем-то определенным, в данном контексте – социальным объектом. Всякий же объект имеет определенные границы, дающие возможность наделить его определенным смыслом. Таким образом, социальный объект, наблюдаемый – способен ощутить свои социальные границы, понять свои роли в обществе, свое отношение к обществу в целом. Однако, чтобы быть наблюдаемым, наблюдаемому необходимо наблюдать за наблюдателем. Ответным наблюдением наблюдаемый как бы отдает должное наблюдателю, делая его наблюдаемым, т.е. помогая ему избавиться от невыносимости отсутствия наблюдения, отсутствия собственных границ, тем самым умаляя его чувство одиночества.

Общество же в целом представляет собой совокупность наблюдаемых наблюдателей. Но наблюдение – это не только средство борьбы с чувством одиночества, но и условие какой-либо общности людей, так как, очевидно, выполняет функцию нормативного контроля. Большинство своих поступков человек совершает с сознанием того, что тот или иной поступок будет незамедлительно идентифицирован наблюдателем. И если совершенный наблюдаемым поступок будет как-либо расходиться с нормами (моральными, правовыми, эстетическими и т.д.) того сообщества наблюдателей, в котором он состоит, последует соответствующее «наказание», чего, обычно, наблюдаемый пытается избежать.

Поэтому наблюдение как одно из условий общности людей, является формой социальной необходимости, вернее – формой насилия социальной необходимости над человеком.

«Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: *вынужденное общее сожительство*» [1; 224], – писал Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома», на собственном опыте познавший сущность каторжной коллективной жизни, когда ситуация ненаблюдаемости (одиночества) сводится к минимуму или вовсе невозможна. Такое существование, в свою очередь, приводит к невольной абсолютизации социальности, когда общество воспринимается как высшая реальность, а человек редуцируется к своей «наблюдаемости».

Однако, позволительно ли жизнь каторжанина (или любого другого арестанта) сблизить с жизнью человека, наделенного всеми социальными свободами? Чтобы ответить на этот вопрос достаточно убрать одно слово из характеристики каторжной жизни, данной Федором Михайловичем, и мы получим «формулу» ординарного социального существования человека: «Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в <...> жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: *вынужденное общее сожительство*». К тому же весьма уместно вспомнить одну из основных проблем современного мира, проблему перенаселения планеты людьми, чтобы понять, насколько ничтожно малы отличия каторжной жизни Достоевского, тщетно искавшего уединенное место за высоким частоколом, от жизни «свободного» человека, обитающего в «каторге» планетарной величины.

Так, основное проявление социальной необходимости, детерминированности человека

обществом, мы видим в следующем – человек не может не поступать.

Необходимо различать социальное одиночество (т.е. ненаблюдаемость) и одиночество экзистенциальное. Главное отличие одного от другого состоит в вопросе о преодолимости. Если социальное одиночество – преодолимо (например, создание семьи, вступление в партию, тюремное заточение и т.п. продолжительные коллективные отношения; соответственно преодолима и социальная необходимость – человек, находящийся в безлюдной пустыне, социально недетерминирован – он свободен от наблюдения, он свободен от морали и права, он свободен от поступка), то одиночество экзистенциальное – непреодолимо (как непреодолима, к примеру, биологическая смерть). Тем не менее, в этой противоположности заключается их парадоксальная связь.

«Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат. <...> Одиночество не измеряется милями, которые отделяют человека от его ближних» [2; 161]. Т.е. суть этой парадоксальной связи заключается в том, что невозможность социального одиночества ведет к усилению чувства одиночества экзистенциального (вне зависимости от степени осознания человеком последнего). «Современный человек ощущает одиночество наиболее остро в ситуациях интенсивного и подчас принудительного общения – в городской толпе, в кругу собственной семьи, в среде друзей. Выдвинутый в 50-е годы американским социологом Дэвидом Рисменом термин «одинокая толпа» превратился в знамение нашего времени» [3; 8]. Возможно, что поиск Достоевским на территории острога уединенного места, был обусловлен желанием ослабить чувство экзистенциального одиночества, рождаемого особенностями каторжного общежития. «В толпе «одиноких» люди разобщены. Звенья связывающей цепи раздражают, как наручники. Общение и взаимное понимание уступают место отчужденности и вражде. По мере того как цепь затягивается, отчужденность усиливается. <...> Отдельная личность «отчуждается» [4; 152]. Вероятность же установления (пусть и на мгновение) буберовской «сферы Мы» [5; 267], «диалога» двух экзистенций – ничтожно мала, как мала, к примеру, вероятность встречи Мартином Бубером на улице равной себе личности.

Почвой для переживания экзистенциального одиночества выступает скорее неотступное присутствие «других», чем их отсутствие (т.е. социальное одиночество). Чем сильнее человек переживает и осознает свое экзистенциальное одиночество, тем яснее он понимает то, что ему никак не преодолеть свою «монадность» – личность, затерявшаяся в толпе и сомневающаяся в своей исключительности, в необходимости собственного существования; осознание себя лишним человеком, совершающим лишние поступки; невозможность сообщить личную Трагедию «другому» («разве можно сознаваться людям в таких вещах» [6; 374]); «ничтожность» страданий конкретного человека на фоне коллективного благополучия, равно как и на фоне коллективной драмы и т.д.

Общеизвестно видение человека Блезом Паскалем – ничтожная пылинка, поглощенная необъятной Вселенной. Однако паскалевское чувство, в данном контексте, имеет иное идейное выражение – не «бесконечная Вселенная» пожирает-уничтожает человека, а – «бесконечное человечество». Сколько еще людей переживало, переживает и будет переживать ужас, подобный ужасу «отшельника из Пор-Рояля» перед безднами? Страх, ужас, тревога, тоска и другие «пограничные чувства» конкретного человека обесцениваются, на фоне чужого страха, чужого ужаса, чужой тревоги, чужой тоски. Страдающий теряется в толпе таких же страдающих. Личностная Трагедия превращается в «коммунальную собственность».

В «Дневнике писателя» Достоевского за январь 1876 года, в статье «Приговор», представлено рассуждение некоего N.N. о человеческом существовании. Часть этого рассуждения будет весьма уместно процитировать: «Задавая <...> себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество – обратится в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья, – не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля» [7; 506-507]. И немного далее он продолжает: «Ну, пусть бы я умер, а только человечество оставалось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен» [7; 507]. Чем обусловлено такое странное «альтруистическое» желание? Ведь и так он жил бы при условии «грозящего завтра нуля». Не обусловлено ли оно тем, что в данном случае смерть не умаляла бы его значения (когда смерть выступает не как Необходимость, равная для всех, а как исключение, можно сказать даже «привилегия»)? Не обусловлено ли это желанием быть поистине «Единственным», который мог бы без тени сомнения противопоставить себя всему человечеству? Такая «привилегия» освободила бы

его от усредняющего онтологического детерминизма – так как в данном случае не он бы умер, не он бы «приравнялся к нулю», а – безликое однородное человечество. И он «был бы утешен». В действительности же смерть обезличивает, уравнивает, стирает всякую грань между неравными людьми. Можно понять «самоубийцу от скуки» (по всей видимости, самого Достоевского) следующим образом: если я умру – жизнь абсурдна; если я умру, как и всякий другой – она абсурдна вдвойне. Более поздней (поэтому более радикальной и крамольной) ипостасью «парадоксалиста» Достоевского можно считать «герострата» Ж.-П. Сартра.

«Они присвоили себе смысл жизни» [8; 75], – пишет Поль Ильбер о гуманистах в письме к популярным французским писателям современности (тоже гуманистам), незадолго до того как примется осуществлять задуманное – расстреливать людей из револьвера. Суть данного утверждения заключается в том, что Ильбер – выступающий противником гуманистов, говорящий об искренней ненависти к человеку и человеческому, всем своим существованием выказывающий обособленность, отчужденность от людей – мог бы быть гуманистом, если бы данная позиция не была общепринятой, одобряемой, и поэтому постыдной для человека жаждущего быть «оригиналом», для которого «невыносим повтор, ритм, закон и порядок» [9; 45]. Переживание своей оторванности, отчужденности от безликой массы незнакомцев приводит Ильбера к переживанию невыносимой абсурдности «легального» существования в чуждом ему «големичном» мире, возведенном чуждыми ему «людьми-големами» [10].

Может показаться сомнительным ценность мыслей и переживаний Поля Ильбера, вымышленного человека, литературного персонажа. Однако примером, свидетельствующим об обратном, могут послужить слова действительного, реально существовавшего человека, поэта и музыканта, Егора Летова: «Мне все время, когда я иду по улице, кажется, что я – не человек, а что-то вроде марсианина, замаскированного, загримированного, более или менее удачно под гражданина. <...> Я давно уже не выхожу из дома без оружия, и все равно перед ними я – абсолютно беззащитен. Я – чужой. Природно, изначально чужой. Вечно чужой. <...> Я всем им чужой, и мне чужды и крайне отвратительны все их набрякшие радости и горести, идеалы и пороки, все, чем они живут и о чем мечтают» [11; 77].

Стремление Ильбера обособиться имело грубое, примитивное, физическое выражение, не приведшее, естественно, ни к чему. Но в этом и заключается трагичность данной ситуации – невозможно одинокой отчужденной личности, насилуемой социальной необходимостью, «уединиться». Невозможно «иметь свои слова» [8; 76]. Поэтому единственным выходом из данной ситуации Ильбер посчитал самоубийство. «Женитьбе + 40-часовой рабочей неделе» [12; 52] он предпочитает револьвер, который должен выступить неким последним словом мизантропа: «Я не желаю быть человеком, если человек это то, чем является каждый из вас».

Тема противопоставления личностного бытия, исполненного экзистенциальным одиночеством, бытию коллективному – одна из центральных в экзистенциальной философии. Особенно ярко она выражена в экзистенциализме Льва Шестова, который, по меткому замечанию В. Лашова, является одним из немногих философов, встающих «на сторону одиночек, маргиналов, выпавших из «всемства»» [13; 11].

В экзистенциальном одиночестве Шестов видел некий отправной пункт самопознания, избавленного от общепринятых истин мира обыденности, мира «сознания вообще». Именно поэтому Виктор Ерофеев называет философию Шестова «философией одиночества», одной из основных идей которой «стала идея решительного разрыва человека с «другими» [14; 195], идея «анархического» бунта против власти усредняющей социальной необходимости. Одиночество, как следствие разрыва связей с людьми, с миром в целом, – оказывается «подлинной» позицией философа. «Настоящая, истинная философия есть философия каторги» [15; 200], – писал Шестов, вдохновленный бывшим каторжанином Достоевским, своим «духовным учителем», который, по его словам, ушел в «подполье», чтобы спастись от подполья иного рода, «платоновской пещеры» [16; 39]. Поэтому «философским кредо» Шестова можно назвать «добровольный остракизм» – когда ужас и одиночество экзистенциальной пустыни предпочтительнее безопасности и уюту «хрустального дворца». «Ницше говорил, что когда он бывает на людях – он думает, как все, и потому, главным образом, искал уединения, что только наедине с собой чувствовал свою мысль свободной. Этим и страшна обыденность: она гипнотизирует миллионами своих глаз и властно покоряет себе одинокого мыслителя. И в одиночестве жить трудно! <...> Но в конце концов приходится выбирать одиночество; все же оно лучше, чем «оставленность», т.е. сознание, что среди огромного множества людей ты всем чужд» [15; 303].

С точки зрения экзистенциальной философии одиночество, как неотъемлемое свойство человеческого существования, является неизбежной причиной отчуждения человека от «других», отчуждения человека от коллективов. Соответственно чувство экзистенциального одиночества, рефлексия этого чувства – способствует усилению этого отчуждения. «Откуда я и откуда мир, в котором и которым я живу? Куда я иду и куда движется все то, что меня окружает? И что все это означает? Вот о чем спрашивает человек по мере того, как он освобождается от отупляющей необходимости поддерживать свое материальное существование» [17; 52]. То же можно сказать и об освобождении от коллективного существования (не менее «отупляющего»). Чувство экзистенциального одиночества, нуждающееся в рационализации, приводит человека к аналогичным вопросам, «проживание» которых способствует движению человека от «суеты одиночества» к «одиночеству истинному» [18; 156], «калечащему», но освобождающему.

Итак, мы приходим к следующим выводам: отчуждение человека от коллективного существования в той или иной мере является неизбежным процессом, в силу непреодолимости экзистенциального одиночества и непрерывно возрастающего давления социальной необходимости. Тем не менее, человеческую реакцию на утрату связей с «другими» нельзя считать однородной. Реакцией «среднего человека» или «человека толпы», для которого характерно восприятие обыденности как единственно возможной реальности, является еще более плотное срастание с социальной необходимостью. В частности, это срастание осуществляется посредством тотального искоренения ситуаций ненаблюдаемости (социального одиночества) – по мере того как коллективные связи крепнут, межличностные отношения становятся все более поверхностными и безликими. Противоположным отношением к отчуждению будет отношение философа, который находится в оппозиции к миру обыденности. В случае с экзистенциальной философией (подобной философии Шестова), процесс отчуждения от «сознания вообще» отождествляется с процессом «очеловечивания», становления «личности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома// Собрание сочинений в 15 т. Т.3 – Ленинград: Наука, 1988. – С. 205-481.
2. Торо Г. Уолден или жизнь в лесу. – М.: Наука, 1980. – 454 с.
3. Покровский Н. Человек, одиночество, гуманизм// Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-20.
4. Финкелстайн С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе. – М.: Прогресс, 1967. – 319 с.
5. Бубер М. Проблема человека// Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – С. 202-300.
6. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: опыт адогматического мышления// Философия трагедии. – М.: АСТ, Фолио, 2001. – С. 319-476.
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя// Post Scriptum. Сборник. – М.: Эксмо, 2007. – С. 171-800.
8. Сартр Ж.-П. Герострат// Стена. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 65-83.
9. Гиренок Ф.И. О естественном праве человека быть банальным// Посредственность как социальная опасность. – М.: Магистр, 2011. – С. 45-49.
10. Дугин А.Г. Угроза Гомункула// Философия традиционализма. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – С. 600-623.
11. Приятного аппетита! (интервью с Егором Летовым)// Егор Летов. Я не верю в анархию: сборник статей. – М.: Скит Интернешнл, 2007. – С. 75-86.
12. Камю А. Записные книжки// Собрание сочинений в 5 т. Т.5 – Харьков: Фолио, 1998. – 409 с.
13. Лашов В.В. Неклассические истины, или Парадоксы Льва Шестова// Миры свободы и чудес Льва Шестова: Жизнь мыслителя, «странствования по душам», философия. – М.: Российское гуманистическое общество, 2005. – С. 7-20.
14. Ерофеев В.В. Остается одно: произвол (Философия одиночества и литературно-эстетическое кредо Льва Шестова)// Лабиринт 2: Остается одно: произвол. – М.: Зебра Е, 2006. – С. 126-197.
15. Шестов Л. Достоевский и Ницше: философия трагедии// Философия трагедии. – М.: АСТ, Фолио, 2001. – С. 135-316.
16. Шестов Л. На весах Иова: странствования по душам. – М.: Издательство АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 463 с.

17. Унамуно М. О трагическом чувстве жизни у людей и народов// О трагическом чувстве жизни. – К.: Символ, 1997. – С. 25-301.
18. Перлман Д., Пепло Л.Э. Теоретические подходы к одиночеству// Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 152-168.

Мисик І. Г. – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та соціології, декан факультету української філології інституту мов світу Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського».

УДК: 37.012

ПОСЛЕДИПЛОМНОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УКРАИНЕ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

У статті розглядаються особливості організації підготовки, вдосконалення знань, умінь і навичок педагога в системі безперервної освіти і інтегрованості усіх її етапів в післядипломній педагогічній освіті.

Ключові слова: *післядипломна педагогічна освіта, компетентність, безперервна освіта.*

В статье рассматриваются особенности организации подготовки, совершенствования знаний, умений и навыков педагога в системе непрерывного образования и интегрированности всех его этапов в последипломном педагогическом образовании.

Ключевые слова: *последипломное педагогическое образование, компетентность, непрерывное образование.*

Features of organization of preparation, perfection of pedagogue's knowledge, his abilities and skills in the system of continuous education and integrating of all it's stages in postgraduate pedagogical education are discussed.

Key words: *post-graduate pedagogical education, competence, continuous education.*

Последипломное образование – это часть национальной системы непрерывного образования. Этот этап должен обеспечивать специализированное усовершенствование, углубление, расширение и обновление профессиональных знаний, умений, навыков. В последипломном образовании сочетаются стационарные формы работы с самостоятельной работой на дневной, заочной, вечерней, дистанционной, комбинированной формах обучения, а также экстернате.

Последипломное педагогическое образование тесно связано с проблемами непрерывного образования, оно предполагает совершенствование педагога на протяжении всей его жизни, реализацию собственной, личной программы развития и саморазвития.

Цель статьи – обозначить особенности последипломного педагогического образования в Украине как структурного компонента системы непрерывного образования.

Концептуальные положения относительно содержания, форм и организации последипломного педагогического образования базируются на принципах Конституции Украины, законов Украины «Об образовании», «Об общем среднем образовании», «О высшем образовании», Концептуальных основах развития педагогического образования в Украине и ее интеграции в европейское образовательное пространство, Государственной программе «Учитель». Концепция развития последипломного образования в Украине определяет цели и задания развития профессионализма кадрового потенциала, совершенствования функционирования общенациональной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов.

Ученые исследуют различные стороны последипломного образования учителей: С. Крысюк